

©

Гудев П.А.
ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН

**РОССИЯ и КИТАЙ в «ЛОВУШКЕ» ПРАВОСУДИЯ:
КАК ПРОИГРЫШ ПЕКИНА в МЕЖДУНАРОДНОМ АРБИТРАЖЕ
ЗАТРОНЕТ ИНТЕРЕСЫ МОСКВЫ?
(Часть 2.)**

Как известно, Филиппины в своем иске настаивали на том, что претензии КНР на так называемые «исторические права» в отношении акваторий, дна и недр ЮКМ в пределах линии из 9-ти пунктов несовместимы с Конвенцией 1982 г.

Арбитраж выстроил свою модель анализа данной ситуации, исходя, прежде всего, из того обстоятельства, что такое понятие, как «исторические права» (historic rights) принципиальным образом отличается от таких правовых понятий, как «исторические воды» (historic waters), «исторические заливы» (historic bays) и, самое важное, – «исторические правооснования» (historic titles)¹. Он пришел к такому выводу:

«Термин «исторические права» носит общий характер и может описывать любые права, которыми обладает государство, и которые обычно не возникают в соответствии с общими нормами международного права... «Исторические права» могут включать претензию на суверенитет, но могут и в равной степени включать в себя более ограниченные права, такие как права на вылов рыбы или же право доступа, которые не попадают под проблематику «суверенитета». «Исторические правооснования», напротив, используются специально для обозначения исторического суверенитета в отношении территории или же морских районов. «Исторические воды» – это всего лишь термин для обозначения «исторических правооснований» в отношении морских районов, который как правило предполагает применения правового статуса либо внутренних вод, либо территориального моря, хотя общее международное право не предполагает единого режима для «исторических вод» и «исторических заливов», а лишь определенный режим для каждого конкретного случая, признавая, однако, как «исторические воды», так и «исторические заливы». Наконец, «исторический залив» – это просто залив, воды которого государство рассматривает как «исторические»².

Соответственно, ППТС настаивал на том, что конвенционное понятие «исторические правооснования» всегда соотносится с претензией на распространение «исторического суверенитета» по отношению к территории или же акватории³. Проанализировав историческую практику Поднебесной в пределах ЮКМ, ППТС пришел к выводу, что последняя действительно претендовала на «исторические права» в его отношении, но никак не заявляла о своих «исторических правооснованиях» (!), то есть в открытую никогда не претендовала на распространение своего суверенитета применительно ко всей акватории ЮКМ⁴. Данное обстоятельство подтверждается тем, что Китай всегда признавал тот факт, что та или иная часть акватории ЮКМ является «открытым морем» с правом свободы судоходства, а значит эти воды находятся за пределами зон суверенитета и юрисдикции какого-либо государства.

Хотя, на экспертом уровне, представители Поднебесной не раз заявляли о том, что сама линия из 9-ти пунктов – это прямая претензия на проецирование суверенитета, а сама линия может рассматриваться как линия государственной границы. Они рассматривали всю акваторию ЮКМ в пределах этой линии не иначе как «Chinese maritime domain», причем указывая на исторический характер такого статуса начиная с 15 века⁵.

Далее Арбитраж в своем решении счел, что раз положения ст. 298(1) Конвенции 1982 г. касательно «исторических правооснований» на деле означают исключительно претензию на распространение суверенитета на те или иные морские пространства, а «исторические права» и вовсе не упоминаются в Конвенции, то апелляции Пекина к нормам ст. 298 могут не приниматься им в расчет, ибо претензии Поднебесной касаются лишь «исторических прав», не затрагивающих проблематику «суверенитета»⁶.

Однако, на уровне международной правовой доктрины существует и иная, отличная от решения ППТС, интерпретация, согласно которой все споры за пределами «применения и трактовки Конвенции», включая споры об «исторических правах», должны быть исключены из механизма обязательного судебного урегулирования. Понятия «исторические правооснования» и «исторические заливы» появляются в ст. 298 исключительно по тому, что они до этого уже встречаются в тексте Конвенции – в ст. 10 («исторические заливы» и ст. 15 («исторические

правооснования»). Несмотря на то, что термин «исторические права» нигде не упоминается в Конвенции, это лишь означает, что такие споры должны быть урегулированы не в рамках последней, а основываясь на нормах обычного международного права. Само понятие «исторические правооснования» ст. 298 являются намного более широким, нежели то, что содержится в ст. 15 «Делимитация территориального моря между государствами с противолежащими или смежными побережьями»⁷.

Позиция КНР, хоть о не озвученная в большинстве официальных документов, как раз исходила из того понимания, что формулировка статьи ст. 298 об «исторических правооснованиях» не ограничена лишь проблематикой, связанной с суверенитетом⁸. Именно на этом основании Пекин настаивал на исключении этого спора из-под механизма международного судебного разбирательства. Более того, существует и прямое заявление Пекина о том, что суть его правопритязаний сводится именно к «историческим правооснованиям», которые, в свою очередь, ограничены не только к вопросам «суверенитета». Однако, Арбитраж, как это не парадоксально, посчитал это заявление ошибкой перевода с китайского на английский⁹.

Далее, не совсем логичной представляется позиция ППТС, касательно того, что претензия Пекина на распространение «исторических прав» была впервые озвучена в дипломатической ноте Поднебесной, направленной в ООН в ответ на совместную заявку Малайзии и Вьетнама по определению внешних границ континентального шельфа, хотя в ней даже не упоминается сам термин «исторические права». В частности, в ней было заявлено, что:

«Китай обладает бесспорным суверенитетом (!) над всеми островами и смежными (примыкающими) водами (adjacent waters) Южно-Китайского моря, а также суверенными правами и юрисдикцией в отношении вод, дна и его недр, которые имеют отношение к этому морскому региону (см. прикрепленную карту). Этой позиции последовательно придерживается китайское Правительство, и она широко известна международному сообществу»¹⁰.

Абсурдность ситуации обусловлена тем, что китайская дипломатическая нота 2009 г. касается исключительно вопросов, связанных с континентальным шельфом, а само упоминание о карте не может рассматриваться как претензия на «исторические права».

А ежели Арбитраж исходил из того, что карта с указанием линии из 9-ти пунктов является доказательством выдвижения Пекином тех или иных «исторических прав», то, тогда не ясно, почему отсутствует анализ возникновения этой карты в 1947 г¹¹.

Кроме того, Арбитраж весьма парадоксальным образом пришел к выводу, что исторические права в отношении морских ресурсов после принятия Конвенции 1982 г. – были заменены соответствующими положениями последней. При этом, это не помешало ППТС признать традиционные рыбопромысловые права Филиппин в пределах территориального моря Поднебесной¹².

Такие коллизии способствовали тому, что даже зарубежные авторы отмечали тот факт, что выводы международного арбитража страдают определенной ограниченностью, во всяком случае, проблематика «исторических прав и правооснований» раскрыта противоречиво, без учета и анализа правовой литературы по этому вопросу. В конечном счете, это привело к нелогичным выводам, которые в значительной степени могут рассматриваться как предельно конъюнктурные и ангажированные¹³.

Еще более удивительным представляется тот факт, что позиция Филиппин, поддержанная Международным Арбитражем, касательно несовместимости претензий на распространение статуса исторических вод к акваториям помимо заливов, расходится с той позицией, которую занимала филиппинская сторона ранее. В этой связи стоит напомнить, что в ходе работы III Конференции ООН по морскому праву, Манила еще в 1978 г. выступила с неофициальным предложением, касающимся «исторических вод»¹⁴. В частности, было заявлено о том, что:

1) максимальный лимит территориального моря (в данном случае – 12 морских миль, – Г.П.), предусмотренный Конвенцией, не должен быть применен к историческим водам, которые то или иное государство рассматривает с правовой точки зрения как свое территориальное море;

2) исторические воды – это воды, прилежащие к береговой линии прибрежного государства, в отношении которых последнее имеет «исторические правооснования», или же декларировала свой суверенитет над ними в течение продолжительного периода времени при молчаливом согласии других государств;

3) проецирование суверенитета, помимо прочего, может включать в себя публикацию законов и правил, касающихся

национальной территории, судоходства, рыболовства, добычи минеральных ресурсов, а также других видов морехозяйственной деятельности как национальных, так и судов других государств;

4) прибрежное государство имеет право заявлять о применении статуса внутренних вод или же территориального моря к историческим водам в зависимости от того, какой уровень контроля оно осуществляло в этой акватории¹⁵.

При этом практически вплоть до недавнего времени такие государства-архипелаги, как Филиппины и Индонезия, всячески пытались распространить статус внутренних вод, а соответственно и свой полный государственный суверенитет, на всю акваторию своих архипелажных вод¹⁶. Тем самым они пытались ввести более жесткие условия прохода гражданских судов и военных кораблей третьих стран, чем это предписано Конвенцией 1982 г. в архипелажных водах с правом архипелажного прохода¹⁷.

Так, Филиппины предпринимали несколько попыток ограничить проход иностранных судов под предлогом распространения режима «внутренних вод»¹⁸ на все акватории вокруг островов архипелага, вплоть до того, что такой режим был закреплен в Конституции страны в 1973 г.¹⁹. При присоединении страны в 1984 г. к Конвенции 1982 г. было сделано соответствующее заявление: «В соответствии с Конституцией Филиппин, концепция архипелажных вод идентична концепции внутренних вод, что предполагает выведение проливов, соединяющих эти воды с экономической зоной или же открытым морем, из-под действия правила транзитного прохода иностранных судов с целью осуществления международного судоходства»²⁰.

Соединенные Штаты выступили с дипломатической нотой протеста²¹, поддержку им оказали и другие страны, участники Конвенции 1982 г. (Австралия, Болгария, Чехословакия, СССР). Такое консолидированное несогласие с позицией Филиппин привело к тому, что в 1988 г. руководство страны решило привести национальное законодательство в соответствие с положениями Конвенции 1982 г. Однако до сих пор Филиппины не утвердили в Международной морской организации (ИМО) схему морских коридоров²² в своих архипелажных водах по причине несогласованности установления прямых исходных линий для отсчета своего территориального моря.

Правовая концепция внутренних «исторических вод» – один из краеугольных камней по закреплению прав Российской Федерации в прилегающих к ее берегам акваториях, прежде всего в Арктике, но также и на Дальнем Востоке, в отношении Азовского моря и Керченского пролива²³.

Так, в 1957 г. Постановлением Совета Министров СССР залив Петра Великого был отнесен к внутренним водам на исторических (!) основаниях. И хотя этот статус был официально оспорен целым рядом государств – Японией, США, Францией, Великобританией – позиция России в этой области продолжает оставаться неизменной.

В 1984 и 1985 гг. в СССР были приняты два Постановления Совета министров²⁴, в которых был утвержден перечень географических координат точек, определяющих положение исходных линий для отсчета ширины территориального моря, экономической зоны и континентального шельфа, а также подтверждено, что воды Белого моря, Чешской, Байдарацкой и Пенжинской губ являются внутренними водами, как воды, исторически (!) принадлежавшие СССР. Кроме того, спрямление исходных линий от материка вокруг Северной Земли и Новосибирских островов и снова до материка, зафиксированное указанными постановлениями, позволило объявить проливы Вилькицкого, Шокальского, Санникова и Лаптева внутренними историческими (!) водами СССР, определив тем самым разрешительный порядок прохода иностранных судов через эти проливы. Именно эти шаги вплоть до сегодняшнего времени являются предметом острой дискуссии между Москвой и Вашингтоном, так как данные проливы составляют трассу Северного морского пути.

Более того, на уровне отечественной правовой доктрины такие арктические моря, как Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское также были отнесены к «историческим водам». Такую же правовую квалификацию долгое время имела акватория Охотского моря²⁵. Правда, с присоединением в 1997 г. Российской Федерации к Конвенции 1982 г. этот подход, закрепленный исключительно в отечественной правовой доктрине, а не на национальном законодательном уровне, как в случае с Белым морем и заливом Петра Великого, стал рассматриваться как все менее согласующийся с её нормами и положениями, и постепенно были сделаны определенные шаги с целью фактического отказа от исторических притязаний на данные морские пространства.

Тем не менее, вплоть до сегодняшнего времени за Азовским морем и Керченским проливом закреплен статус внутренних исторических вод двух государств, образовавшихся после распада СССР, – России и Украины. В частности, именно такие формулировки содержатся в Договоре между РФ и Украиной о государственной границе, в Договоре о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива, а затем эти договоренности были подтверждены в Совместном заявлении Президента Российской Федерации и Президента Украины по Азовскому морю и Керченскому проливу. И хотя украинская сторона перманентно пытается пересмотреть этот правовой статус, даже в ущерб своим национальным интересам, России пока удается отстаивать избранный подход.

В международной правовой доктрине утвердилась точка зрения, согласно которой основанием для правомерного установления режима исторических вод является совокупность следующих условий:

- особое (индивидуальное) географическое положение акватории – прилегание, конфигурация, расположение в стороне от морских путей;
- особые оборонные и экономические интересы прибрежного государства (значение акватории и ее ресурсов для экономики прибрежной части территории или даже для всей страны);
- субъективное намерение прибрежного государства добиваться утверждения правового титула и молчаливое признание фактического владения другими государствами, проявляемые в более или менее длительном, непрерывном, мирном (никем не прерываемом) осуществлении власти²⁶.

Позиция Пекина в этом отношении была, конечно же, достаточно слабой.

Во-первых, говорить о том, что другие государства ЮКМ всегда молчаливо признавали суверенитет Китая над данными акваториями – просто абсурдно.

Во-вторых, морские пространства ЮКМ имеют равно важное оборонное и экономическое значение абсолютно для всех государств региона, и Китай не в праве претендовать здесь на какую-либо исключительность. Кроме того, эти акватории имеют важное коммуникационное значение в качестве судоходного маршрута, как для региональных, так и внерегиональных стран.

Наконец, проецирование Поднебесной суверенитета над ЮКМ не могло быть непрерывным: как известно, центральная власть на протяжении многих столетий, а особенно в 19 и 20 веках, была достаточно слабой и не могла эффективно контролировать акваторию ЮКМ и расположенные там острова.

С этой точки зрения, нет ничего удивительного в том, что в решении ППТС исторические правопритязания КНР были признаны незаконными. Однако, ключевой вывод международных арбитров о том, что статус исторических вод может быть применим исключительно к заливам (!) и другим морским акваториям, прилегающим к берегу, то есть никак не к целым морям – является не совсем корректным.

Историческая практика государств показывает, что раньше статус исторических вод применялся исключительно к заливам. При этом до введения в рамках Конвенции 1982 г. максимальной ширины территориального моря в 12 морских миль, к историческим заливам относили заливы, ширина входа в которые не превышала 24 мили. Однако за годы после подписания Конвенции 1982 г. практика государств пошла по пути расширения круга исключений для отнесения заливов к категории исторических вод, и практически все претензии стали связаны с заливами с шириной входа, нередко весьма значительно превосходящей 24 мили. Кроме того, исторические права стали выдвигаться не только в отношении заливов, бухт, губ, лиманов, но и небольших моей заливного типа. Такое расширение объекта исторических права было связано с тем, что некоторые моря заливного типа меньше ряда заливов, объявленных историческими²⁷.

В результате, можно сделать вывод о том, что концепция исторических вод стала все больше отходить от базового понятия исторических заливов и, хотя исторические заливы являются историческими водами, содержание понятия «исторические воды» оказалось много шире понятия «исторические заливы». Данное утверждение полностью подтверждается в подготовленном Секретариатом ООН исследовании «Правовой режим исторических вод, включая исторические заливы». В нем, в частности, отмечено:

«Термин исторические заливы использовался чаще, чем исторические воды, то это главным образом из-за того обстоятельства, что претензии на исторической основе выдвигались чаще в отношении пространств, которые назывались или рассматривались как заливы. В принципе... теория исторических заливов в своём основ-

ном виде применима и к другим морским пространствам, помимо заливов»²⁸.

Далее, ППТС, рассматривая исторический характер правопритязаний Пекина, не стала анализировать «природу» исторических прав и оснований. Она фактически свела всю эту проблематику к тому, что режим Конвенции 1982 г. не имеет в своих рамках четко прописанных формулировок относительно того, что такое исторические права, воды и основания. Хотя, с точки зрения большинства экспертов, именно "исторические права" – это то, на чем основан современный мировой порядок; это особые, «эксклюзивные» (exceptional) права, которые являются своеобразным «исключением» в рамках режима Конвенции 1982 г., так как признаны в рамках общего международного права и стоят выше этого режима²⁹. Эти «права» признаются в решениях международных судебных инстанций, таких как Международный Суд ООН, и их формирование шло путем развития норм обычного международного права, а значит – они, несомненно, могут считаться основой правового режима Мирового океана³⁰.

Международный Арбитраж, к сожалению, не стал анализировать всю сложность и многоаспектность данной проблематики, включая целый пласт предшествующих исследований в данной области, чем еще больше усугубил запутанность ситуации. Для Российской Федерации, как это уже отмечалось ранее, это крайне негативный сценарий развития ситуации, так как претензии на «исторический» статус тех или иных акваторий были сделаны нашей страной задолго до подписания Конвенции 1982 г., а её вступление в силу в 1994 г. не может автоматически означать, что эти претензии перестали рассматриваться как обоснованные и легитимные.

С этой точки зрения, главное заключается в том, чтобы последующие решения международных судебных инстанций по тому или иному спору, связанному с историческими водами или же основаниями, не вели к тому, что решение ППТС по иску Филиппин против Китая 2016 г. стало бы рассматриваться как некий правовой прецедент, или даже более того, как источник права.

В Преамбуле Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. заявлено о том, что:

«кодификация и прогрессивное развитие морского права, достигнутые в настоящей Конвенции, будут способствовать укреплению мира, безопасности, сотрудничества и дружественных

отношений между всеми государствами в соответствии с принципами справедливости и равноправия, а также содействовать экономическому и социальному прогрессу всех народов мира в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций, изложенными в ее Уставе...».

Очевидно, что достижение этих целей принципиально невозможно без того, чтобы урегулирование всех противоречий между участниками Конвенции 1982 г. предельно справедливый и сбалансированный характер. Нельзя допускать ситуации, когда происходит некорректная интерпретация тех или иных положений Конвенции, равно как и норм общего международного права, что, в свою очередь, ведет лишь к тому, что конфликтность ситуации может быть усугублена такими действиями, а это, в свою очередь, – прямое нарушение предписаний Конвенции 1982 г.

В Совместной российско-китайской Декларации о повышении роли международного права от 25 июня 2016 г. сказано:

«Российская Федерация и Китайская Народная Республика подчеркивают важную роль Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в поддержании верховенства права в отношении деятельности в Мировом океане. Принципиально важно, чтобы положения этого универсального международного договора применялись последовательно и таким образом, чтобы *не наносить ущерба правам и законным интересам государств-участников Конвенции и не ставить под угрозу целостность установленного Конвенцией правового режима* (выделено мною – Г.П.)»³¹.

К сожалению, приходится констатировать, что решение ППТС отличается определенной противоречивостью, более того, оно не только не поставило точку в урегулировании многочисленных противоречий в отношении островных территорий, исторических вод и правооснований, но скорее наоборот – способствовало еще большему усложнению данной проблематики. В конечном итоге, эта противоречивость может в перспективе стать залогом усиления межгосударственной конфликтности, а также еще больше дискредитировать режим, введенный Конвенцией 1982 г.

Наиболее очевидные «пробелы» в решении Арбитража связаны со следующими моментами.

Во-первых, международная правовая доктрина исходит из того, что часть XV «Урегулирование споров» Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. не может быть применима к спорам, которые касаются трактовки и применения норм и положений

общего международного права³². При этом сама концепции «исторических вод» и «исторических правооснований» были сформированы задолго до разработки, подписания и вступления в силу Конвенции 1982 г., на основе развития норм обычного международного права. А значит такие споры не могут рассматриваться как споры касательно трактовки и применения норм и положений Конвенции 1982 г.

Во-вторых, любой спор относительно островных образований не может игнорировать тот факт, что формирование любых предписанных Конвенцией 1982 г. морских зон (территориального моря, ИЭЗ, континентального шельфа) возможно лишь на основе первоначального определения, кто владеет данными островными образованиями и чьи зоны суверенитета или же юрисдикции могут или же, наоборот – нет, быть здесь сформированы. Правовой принцип «Land Dominates the Sea» предполагает, что решение вопроса о суверенитете является первичным над тем, право на какие морские зоны обладает то или иное островное образование. А, следовательно, любые вопросы, касающиеся суверенитета над сухопутной территорией, находятся вне юрисдикции международных судебных инстанций, рассматривающих иск в отношении трактовки и применения Конвенции 1982 г.

В-третьих, Международный Арбитраж посчитал, что все предыдущие договоренности между сторонами (в том числе, Декларация поведения сторон в Южно-китайском море 2002 г., равно как и другие), в которых декларировались обязательства решать все региональные споры мирным путем в ходе консультаций и переговоров, не могут рассматриваться в качестве полноправных «соглашений», а значит – приниматься им во внимание. Де-факто, это означало дискредитацию ст. 281 Конвенции 1982 г., где сказано, что:

«Если государства-участники, являющиеся сторонами в споре, касающемся толкования или применения настоящей Конвенции, согласились добиваться урегулирования спора мирными средствами по своему выбору, то предусмотренные в настоящей Части процедуры применяются только в том случае, если урегулирование не было достигнуто в результате применения таких средств и соглашение между сторонами не исключает применения любой другой процедуры».

В-четвертых, Арбитраж на деле проигнорировал все апелляции Пекина к положениям статьи 298 Конвенции 1982 г. При этом

именно ст. 298 – это своеобразный балансир между вопросами суверенитета и целостностью самой Конвенции 1982 г. Нельзя допустить того, чтобы положения этой статьи подвергались все большей и большей дискредитации. Однако ППТС фактически принял решение о расширении своей юрисдикции, а это в свою очередь, может привести к тому, что сама устойчивость международной правовой системы, регулирующей взаимоотношения ее участников в масштабах Мирового океана, может оказаться пошатанной и иметь ряд негативных последствий.

Российская Федерация крайне заинтересована в том, чтобы, с одной стороны, режим Конвенции 1982 г. сохранялся действенным и не происходило его размывание. С другой стороны, мы не можем согласиться с тем, что между нормами договорного и обычного права выстраивается некая иерархия, и последние рассматриваются в качестве подчиненных по отношению к первым. Апологетизация Конвенции 1982 г. и принижение в данном случае концепций «исторических вод» и «исторических правооснований» – не отвечает нашим национальным интересам.

Принимая во внимание тот факт, что Россия имеет целый ряд неурегулированных проблем, связанных с морскими границами и правовым статусом тех или иных морских пространств – необходимость разрешения этих противоречий мирным путем в ходе консультаций и переговоров особенно актуальна для нашей страны сегодня. Крайне опасно, если эти споры, в особенности, когда в них затрагивается вопрос о проецировании государственного суверенитета, станут предметом рассмотрения международных судебных инстанций, предписанных Конвенцией 1982 г.

Принимая во внимание все вышеперечисленные обстоятельства, следует констатировать, что Россия, безусловно, не может и не будет поддерживать правовую позицию КНР по ЮКМ, так как та является явно завышенной и излишне радикальной. Но в части касающейся того, что решение любого Суда или же Арбитража обязано быть максимально справедливым и не вести к усилению конфликтности – здесь мы можем быть солидарны с Пекином.

¹ Keyuan Zou, Qiang Ye. Interpretation and Application of Article 298 of the Law of the Sea Convention in Recent Annex VII Arbitrations: an Appraisal. *Ocean development and International Law*. 2017. Vol. 48. Issue 3-4. Pp. 331-344. Doi: 10.1080/00908320.2017.1320917.

² PCA Case N°2013-19 in the matter of the South China Sea Arbitration before an Arbitral Tribunal constituted under Annex VII to the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea between the Republic of the Philippines and the People's Republic of China. §225 (<https://pcacases.com/web/sendAttach/2086>).

³ Kopela Sophia. Historic Titles and Historic Rights in the Law of the Sea in the Light of the South China Sea Arbitration // Ocean Development and International Law. 2017. Vol. 48. Pp. 181-207.

⁴ PCA Case N°2013-19 in the matter of the South China Sea Arbitration before an Arbitral Tribunal constituted under Annex VII to the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea between the Republic of the Philippines and the People's Republic of China. §226-227 (<https://pcacases.com/web/sendAttach/2086>).

⁵ Jinming Li, Dexai Li. The Dotted Line on the Chinese Map of the South China Sea: A Note // Ocean development and International Law. 2003. No. 34. Pp. 287-295.

⁶ Kopela Sophia. Historic Titles and Historic Rights in the Law of the Sea in the Light of the South China Sea Arbitration // Ocean Development and International Law. 2017. Vol. 48(2). Pp. 181-207.

⁷ Keyuan Zou, Qiang Ye. Interpretation and Application of Article 298 of the Law of the Sea Convention in Recent Annex VII Arbitrations: an Appraisal. Ocean development and International Law. 2017. Vol. 48. Issue 3-4. Pp. 331-344.

⁸ A Preliminary Report of the Facts Related to the Issue of Historic Rights Involved in the South China Sea Arbitration and the Applicability of Laws in This Case (<http://www.chinamission.be/eng/more/SouthChinaSeaIssue160420001/t1376547.htm>).

⁹ Note Verbale from the Embassy of the People's Republic of China in Manila to the Department of Foreign Affairs, Republic of the Philippines, No. (11) PG-202 (6 July 2011) (Annex 202) // PCA Case N°2013-19 in the matter of the South China Sea Arbitration before an Arbitral Tribunal constituted under Annex VII to the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea between the Republic of the Philippines and the People's Republic of China. § 209, 227 (<https://pcacases.com/web/sendAttach/2086>).

¹⁰ Communications received with regard to the joint submission made by Malaysia and Viet Nam to the Commission on the Limits of the Continental Shelf. Communication dated 7 May 2009 from China (http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/mysvnm33_09/chn_2009re_mys_vnm_e.pdf).

¹¹ Keyuan Zou. Historic Rights in the South China Sea Arbitration Case // Asia-Pacific Journal of Ocean Law and Policy. 2006. №1. Pp. 268-272.

¹² Keyuan Zou. Historic Rights in the South China Sea Arbitration Case // Asia-Pacific Journal of Ocean Law and Policy. 2006. №1. Pp. 268-272.

¹³ Keyuan Zou. Historic Rights in the South China Sea Arbitration Case // Asia-Pacific Journal of Ocean Law and Policy. 2006. №1. Pp. 268-272.

¹⁴ Document A/Conf.62/C.2/L.24/Rev. 1. Philippines: revised draft article on historic waters and delimitation of the territorial sea (http://legal.un.org/docs/?path=../diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_c2_l24_rev1.pdf&lang=E).

¹⁵ Anderson D. Some Aspects of the regime of Islands in the Law of the Sea // The International Journal of Marine and Coastal Law. 20017. №32. Pp. 316-331.

¹⁶ Groves Steven. Accession to the U.N. Convention on the Law of the Sea Is Unnecessary to Secure U.S. Navigational Rights and Freedoms // The Heritage Foundation «Backgrounder». 2011. №2599. 24 August. P. 20-21. (http://www.heritage.org/Research/Reports/2011/08/Accession-to-UN-Convention-Law-of-the-Sea-Is-Unnecessary-to-Secure-US-Navigational-Rights-Freedoms#_ftn36).

¹⁷ Право транзитного прохода и право архипелажного прохода принципиальным образом отличаются от права мирного прохода в территориальном море тем, что они включают в себя свободу полетов любых летательных аппаратов, включая военные; подводные лодки и другие подводные аппараты не обязаны проходить в надводном положении и с поднятым флагом; ни транзитный, ни архипелажный проходы не могут быть приостановлены.

¹⁸ Режим внутренних вод, как известно, не предполагает ни права мирного, ни транзитного, ни архипелажного проходов.

¹⁹ Maritime Claims Reference Manual, *The Navy Judge Advocate General's Corps* (<http://www.jag.navy.mil/organization/documents/mcrm/Philippines2016.pdf>).

²⁰ United Nations Convention on the Law of the Sea, Declarations and Reservations: Philippines (http://treaties.un.org/Pages/ViewDetailsIII.aspx?&src=TREATY&mtdsg_no=XXI~6&chapter=21&Temp=mtdsg3&lang=en#EndDec).

²¹ U.S. Department of State, Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs, "United States Responses to Excessive National Maritime Claims," *Limits in the Seas*. № 112. March 9. 1992. P. 51. (<http://www.state.gov/documents/organization/58381.pdf>).

²² В архипелажных водах государство-архипелаг обязано «устанавливать морские коридоры и расположенные над ними воздушные коридоры, приемлемые для непрерывного и быстрого прохода иностранных судов через его архипелажные воды и прилегающее территориальное море и пролета иностранных летательных аппаратов над ними» (ст. 53 Конвенции 1982 г).

²³ Вылегжанин А.Н., Матишов Г.Г., Моргунов Б.А., Соколова Е.Л. Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод. (Теория и практика государств). Москва, МГИМО Университет, 2012. 112 с. (<http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=2D4AAD31-322D-1A86-8DF4-D5A42A017025>).

²⁴ Постановление Совета Министров СССР от 7 февраля 1984 г. и 15 января 1985 г. о координатах исходных линий для отсчета территориальных вод на некоторых участках Северного морского пути.

²⁵ Мелков Г.М. К вопросу о статусе Печорского и Охотского морей // Московский журнал международного права. - 2014. - № 4. - С. 40-55.

²⁶ Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. Москва, Статут, 2007. С. 30-31.

²⁷ Так, например, площадь Гудзонова залива, объявленного историческим заливом Канады, равна 580 000 км², а площадь Белого моря, составляющего исторические воды СССР, равна всего лишь 36 000 км².

²⁸ Yearbook of the International Law Commission. 1962. Vol. II. UN, New-York, 1964. p.6, §34.

(http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1962_v2.pdf&lang=EFS).

²⁹ Kopela Sophia. Historic Titles and Historic Rights in the Law of the Sea in the Light of the South China Sea Arbitration // Ocean Development and International Law. 2017. Vol. 48(2). Pp. 181-207.

³⁰ Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Международный обычай как основной источник международного права. Государство и право, 2012, №6, сс. 78-89.

³¹ Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права

(http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2331698).

³² Общее международное право – совокупность традиционных и создаваемых признанием в качестве правил обычных норм международного права.